

1601.

18.5.35

СОЧИНЕНІЯ,
ПЕРЕВОДЫ и ПОДРАЖАНІЯ,
ВЪ СТИХАХЪ.

Константина Масальскаго.

Не для того, чшобы похваль ему хотѣлось,

И не за что; такъ какъ-то пѣлось.

Крыловъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

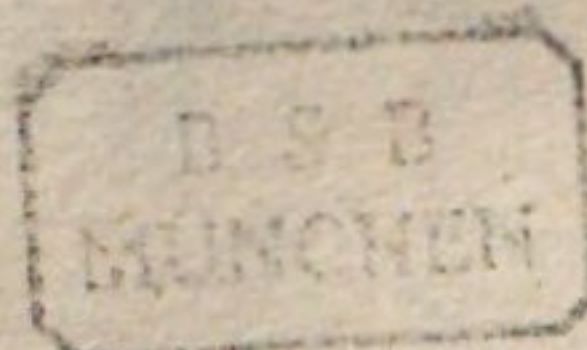
Въ Типографіи Императорской Россійской
Академіи.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены
были въ Цензурный Комитетъ при экземпляра.
С. Петербургъ. 4 Ноября 1830 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

СОЧИНЕНІЯ.

РИТМ ПОД

О Г Л А В Л Е Н І Е

Любезнымъ товарищамъ,

Воспитанникамъ Благороднаго Пансіона
ИМПЕРАТОРСКАГО Санктпетербурскаго
Университета.

Посвящаетъ

Сочинитель.

.....

Июльские месяцы

Июльские месяцы
Июльские месяцы
Июльские месяцы

Июльские

Июльские

О Г Л А В Л Е Н І Е.

СОЧИНЕНІЯ.

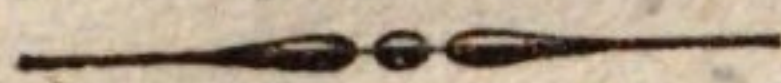
Спран.

Сельскій гимнъ.	9.
Развалины.	11.
Заливъ.	13.
На смерть добродѣтельной Царицы.	16.
Гробница.	18.
Элегія.	20.
Въ альбомъ незнакомой дѣвицы.	23.
Къ портрету Генерала В.	25.
Два мудреца.	26.
Ашланшидскій въперъ.	28.
Угольщикъ и прубочистъ.	30.
Орлянка.	32.
Друзья.	34.
Оселъ и слонъ.	37.
Вареный чай.	39.
Опрывокъ изъ поэмы: Мщеніе въперка.	41.

ПЕРЕВОДЫ и ПОДРАЖАНІЯ.

Эропъ. (<i>Анакреонъ.</i>)	59.
Жизнь. (<i>Палладъ.</i>)	61.
Море и земля. (<i>Мосхъ.</i>)	62.

Весна. (<i>Мелеагръ.</i>)	64.
Опрывокъ изъ XI пѣсни Одиссея.	67.
Два колоса. (<i>Федръ.</i>)	73.
Овца и терновникъ. (<i>Федръ.</i>)	74.
Облака. (<i>Рудольфи.</i>)	76.
Почести. (<i>Шиллеръ.</i>)	79.
Осель и репейникъ. (<i>Глеймъ.</i>)	80.
Къ Лидъ. (<i>Смитъ.</i>)	82.
Новая шепива. (<i>Цетина.</i>)	84.
Къ ручью. (<i>Вильегасъ.</i>)	85.
По случаю. (<i>Иріарте.</i>)	87.
Медвѣдь, маршышка и свинья. (<i>Иріарте.</i>)	89.
Размышленіе. (<i>Лопе де Вега.</i>)	91.

СЕЛ Ъ С К І Й Г И М Н Ъ.

Кпо стремишь ручей въ долину,
Освѣжая лугъ волной?
Кпо душистому ямину
Разцвѣпаешь велишь весной?

Кпо румяными плодами
Украшаетъ лѣпомъ садъ;
Въ зной полудня, межъ скалами,
Льешь прохладный водопадъ?

Топъ, кпо упромъ поднимаетъ
Солнце изъ пучинъ морскихъ,
Кпо шравинки согрѣваетъ
И забоишься о нихъ.

Безъ Него изъ Океана
Кшо бы солнце могъ поднѣшь,
Веспъ по небу великана,
Въ волны погрузишь опѣшь?

Безъ Него ночной порою
Кшо бы звѣзды засвѣшилъ,
И опеческой рукою
Спящій міръ благословилъ?

Р А З В А Л И Н Ы.

Воспочный легкій въперокъ,
Прохладой упреннею дышешъ
И воды озера колышешъ;
Ушесисшъ берегъ и высокъ;
Между лѣсисныхъ горъ равнина,
Какъ голубой коверъ, лежишъ;
Въ шуманъ край ея сокрышъ.

Высокаго холма вершина
Возносишъ къ мрачнымъ небесамъ
Разрушенный вѣками храмъ.
Вы рухнули, крупные своды!
Вы пали, гордые столпы!
И шамъ, гдѣ нѣкогда толпы
Спекались пѣшъ Творца природы

Тамъ нынѣ ласпочка одна
Гнѣздо свиваетъ у окна,
И будишь мершвое молчанье.

Гдѣ предки наши? Лишь преданье
О нихъ осталось! Мы живемъ;
Но быспро предкамъ въ слѣдъ пройдемъ!
Ихъ нѣтъ: о насъ попомство скажешь,
И съ нами въ ту же землю ляжешь.

Попокъ несется въ бездну съ горь.
Не удержишь его спремленья!
Едва за нимъ успѣешь взоръ!...
Рѣка временъ, рѣка забвенья
Быспрѣ: все умчишь она!
Безвѣстность, славу, немощь, силу,
Въ бездонную вѣковъ могилу,
Гдѣ грозный мракъ и тишина.

ЗАЛИВЪ.

Скрылось солнце. Надъ заливомъ,
Въ блескъ яркомъ и игривомъ,
Всходишь вечера звѣзда;
Край небесъ зарей пылаешь;
Какъ злая шкандъ, сіяешь
Въ опдаленіи вода.

Рѣзвый мальчикъ сѣлъ въ челнокъ,
Въ парусъ превращилъ плашокъ;
Молодую срѣзавъ иву,
Сладилъ мачту кое-какъ,
Взялъ весло, и вошь смѣльчакъ
Разъѣзжаетъ по заливу.

Отдаляясь отъ земли,
Видишь мальчикъ, чпо вдали,
Яркимъ золошомъ свѣплѣешь
Темносиняя волна,
А вблизи, вокругъ челна,
Глубина одна чернѣетъ.

Поплыву же я шуда,
Гдѣ шакъ свѣпишся вода. —
Думалъ мальчикъ, и принялся
Всею силой за весло;
Берегъ изъ виду терялся,
Но далеко, гдѣ свѣшло.

Плылъ онъ часъ, плывешь другой;
Упомленною рукой
Онъ гребешь весломъ сильнѣе;
Все вдали блеспишь волна,
А вкругъ лодки глубина
Все чернѣе и чернѣе.

Ночь одѣла сводъ небесъ;
Моря дальній блескъ исчезъ.
Въ упомленье, въ страхъ, въ горь,
Бросилъ плавашель весло.
Въперкомъ, вспорхнувшимъ въ морь,
Челнъ ко берегу принесло.

Въ морь жизни мы плывемъ;
Счасьемъ дальній блескъ зовемъ;
Но вошще къ нему спремленье:
Блескъ сей — неба отраженье!
Смертнй, смертнй! Брось весло!
Небо лишь одно свѣшло.

НА СМЕРТЬ
ДОБРОДѢТЕЛЬНОЙ ЦАРИЦЫ.

Что зримъ? Что дѣлаемъ? Почто въ
слезахъ столица?

Почто весь въ прауръ Апостоловъ соборъ?
О комъ и сирота рыдаешъ и вдовица?...

Ты въ гробъ, добрая Царица!
Сіявшій благоспѣю навѣкъ закрылся взоръ!...

Ты въ лонѣ Благоспи, блаженный духъ Маріи!
Ты успокоился опъ жизни и трудовъ.

Моли Царя Царей за градъ Пешровъ!
Будь Ангеломъ-Хранителемъ Россіи!
Падешъ во прахъ гордыня Визаншіи,
И благошворный миръ опчизну оѣнишъ!
Съ Россіей Богъ! рекушъ чужія поколѣнья.

И въ мирѣ Русская земля произрастишь

Плоды искусствъ, торговли, просвѣщенья,

И процвѣшущъ и грады и сельня!

Ярчѣй въ судилищахъ мечъ правды забле-
спишь!

Не смолкнущъ подданныхъ вовѣкъ благо-
словенья!

Г Р О Б Н И Ц А.

Бѣлѣтся вдали надгробный камень;
Надъ нимъ шумишь печально древній лѣсъ.
Какъ ласково пурпуровый свой пламень
Льешь на него заря съ небесъ!

Промчался вѣкъ! Супруги огорченной
Спешаніямъ не внемлешь, мраморъ, ты!
Весеніе на гробъ уединенный
Давно не сыплются цвѣты.

Скажи: кто скрышь, гробница, подъ побою?
Чей жизни ты являешь мершвый слѣдъ?
Дни кончилъ онъ, ласкаемый судьбою,
Иль встрѣшилъ смерть средь золь и бѣдъ?

Въ опвѣтъ одно угрюмое молчанье!
Давно съ землей его смѣшался прахъ!
И не узнашь на мраморѣ названье
Въ полуисчезнувшихъ чертахъ!

Твой грустенъ видъ, уединенный камень;
Уныніемъ ты наполняешь лѣсъ!
Какъ ласково пурпуровый свой пламень
Льешь на тебя заря съ небесъ.

Э Л Е Г І Я.

Чья эша новая гробница?
Чей прахъ сокрышь навѣкъ подъ ней?
Промчалось счастье прежнихъ дней!
Свершилось! Нѣтъ тебя, пѣвица
Канарскихъ острововъ! Пуста
Твоя блестящая пещница;
Стоишь на чердакѣ; снята
Навѣкъ со свѣтлаго окошка,
Гдѣ красовалась съ давнихъ поръ.
Въ уныніи глубокомъ взоръ
На небеса возводишь кошка,
И опускаешь на паркетъ!
Увы! Въ верху ужъ клѣшки нѣтъ!..
Въ саду, гдѣ яблоня сложила

Густую вѣшвь надъ цвѣшникомъ,
Гдѣ въ лѣпнѣй день ты пѣшь любила,
Тамъ спишь ты безпробуднымъ сномъ!
Тамъ одинокая гробница
Нарцизами осынена.
Прійдетъ прелестная весна;
Ее не встрѣпишь ты, пѣвица,
Веселой пѣснѣю своею.
Не будешь лѣпнею порою,
Въ саду на яблони, съ шобою
Перекликашься соловей.
Одинъ онъ запоешь уныло
Надъ раннею швоей могилой!
Не будешь сахаръ ты клевашь
Изъ рукъ швоей хозяйки милой!
Ужъ ей себя не цѣловашь,
Держа на пальчикѣ! Не спанешь
Ты изъ госпиной въ залъ лешаешь,
Изъ зала жъ въ клѣшку, какъ устанешь.
О если бъ ты возстаешь могла,

Какъ Фениксъ, если бѣ посмопрѣла
Какъ слезы по шебѣ лила
Твоя хозяйка: шы бы сѣла
По прежнему на пальчикъ къ ней!
Ты бѣ облегчила сердце ей!
Она бы вѣрно улыбнулась;
Ея бы горестъ въ мигъ прошла!
Ты бѣ опъ воспорга вспрепенулась,
И съ радости бы умерла.

ВЪ АЛБОМЪ
НЕЗНАКОМОЙ ДѢВИЦЫ.

Хоть стихопворцу незнакома
Хозяйка милая альбома,
Хоть своевольно онъ черпипъ
Въ чужомъ альбомѣ эпи спроки;
Но вы, вы будете-ль жестоки?
Ужель листокъ сей полешипъ
Въ окно, гуляпъ по бѣлу-свѣшу?
Нѣпъ, нѣпъ! Просшите вы поэшу,
Чшо здѣсь писапъ спихи онъ смѣлъ:
Не вамъ однѣмъ онъ надоѣлъ
Своею лирой говорливой.
За то онъ пожелаетъ вамъ,
Чшобъ вѣкъ вашъ въ пишинѣ счастливой

Такъ прошекаль, какъ по лугамъ
Спруишся ручеекъ игривой,
Хранимъ Наядой молчаливой.

НЕЗНАКОМЫЕ

Хочу съисконно въ
Хочу съисконно въ
Хочу съисконно въ
Въ жизни вашей
Но вы, вы будете —
Уже не узнаете
Въ окно, туманъ по
Наша, наша! Прощайте
Что-то вы не знаете
Не такъ одна изъ
Своей душой
За то что
Наша была

КЪ ПОРТРЕТУ ГЕНЕРАЛА В.

На полѣ брани онъ герой;
Въ дни мирные, совѣшникъ Царскій.
Онъ мужесшвомъ — Баярдъ второй;
Любовью къ родинѣ — Пожарскій.

Д В А М У Д Р Е Ц А.

Философъ Гераклишъ, наплакавшись до-
сыта,
Сидѣлъ подѣ деревомъ и, видя Демокриша,
Который шелъ и хохоталъ,
— О боги, боги! — закричалъ.
— Куда ни обернешься,
Вездѣ со слабостью иль глупостью спол-
кнешься.
Ну можно-ль, не лишась разсудка, хохоташъ
По пуснякамъ, какъ сей прохожій! —
А Демокришъ межъ шѣмъ такъ началъ
разсуждашъ:
„Всѣ люди на ребяшъ похожи!

Вонъ напрімѣръ спарикъ. Такой плачевной
рожи

Я съ роду не видалъ. О чемъ же плачешъ онъ?

Имѣнье пошерялъ, иль не въ попадъ
влюбленъ,

Иль огорченъ другимъ подобнымъ вздоромъ.

А еслибъ философскимъ взоромъ

На міръ онъ посмопрѣлъ,

То вѣрно бы, какъ я, смѣялся захопѣлъ.“

Потомъ другъ на друга, не говоря ни слова,

Глядѣли мудрецы. Одинъ изъ нихъ рыдалъ,

Другой же хохоталъ,

И каждый сожалѣлъ о глупости другаго.

АТЛАНТИДСКІЙ ВѢТЕРЪ.

Гдѣ въ наши времена
Синѣетъ Океанъ, тамъ древле проспиралась
Обширная страна,
И Атланшидою у Грековъ называлась.
Преданья шемныя дошли до насъ, что
тамъ,
По временамъ,
Какой-то вѣтеръ дулъ чудесный,
Который, силой неизвѣстной,
Въ минушу всякаго въ сороку превращалъ,
Кто слишкомъ о своихъ достоинствахъ
мечталъ.
Разъ, въ продолженіе блестящаго гулянья,
Вдругъ спрашный вѣтеръ сей откуда ни
возьмись!

Чшожъ? Тысячи сорокъ на воздухъ подня-
лись

Изъ многолюднаго собранья.

Ну если бы, не въ добрый часъ,

Такому въпру душъ случилось у насъ;

Тогда бы (можно въ помъ ручашься)

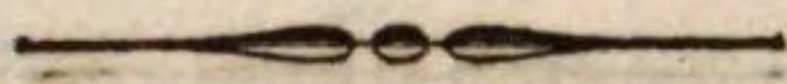
Всѣмъ, грѣшнымъ, намъ пришлось на
воздухъ поднимашься.

УГОЛЬЩИКЪ

и

ТРУБОЧИСТЪ.

Разъ угольщикъ пушемъ - дорогой шелъ
И съ трубочиспомъ вдругъ сполкнулся.

„Ослѣпнулъ что ли ты, осель!“

Во гнѣвъ угольщикъ вскричалъ и замахнулся,
А топъ на эту брань спѣшпвовалъ
мешлой.

Сраженъе жаркое межъ ними закипѣло;
Однакожъ нѣсколько прохожихъ подоспѣло,
Героевъ розняли и прекрашили бой.

За что, спросили ихъ, вы подрались? Въ
чемъ дѣло?

„Онъ замаралъ мнѣ сажей весь кафшанъ!“

— Неправда! Ты сперва толкнулъ меня,
болванъ!

Смошри: я весь въ угляхъ! — Браняпся
забіяки,

И дѣло бы дошло опять до драки;

Но кто-то имъ сказалъ: вы, чудаки,
смѣшны!

О чемъ вы спорите? Вѣдь оба вы черны;

А всякъ изъ васъ навѣрно знаешъ,
Чшо черный черного никакъ не замараешъ.

Примолвишь можно здѣсь, чшо спорщи-
ковъ такихъ

Мы каждый день встрѣчаемъ:

Мы видимъ черношу другихъ,

А сами каковы, шого не замѣчаемъ.

О Р Л Я Н К А.

Опсхряпавъ барской споль,
Надѣлъ Оома китайчатый камзолъ,
Колпакъ и праздничный передникъ,
И вышелъ къ ворошамъ, гдѣ другъ и собе-
сѣдникъ,
Аншипъ, давно его, на лавкѣ сидя, ждалъ,
Пошягивался и зѣвалъ;
(Не диво: до свѣшу ужъ вымелъ онъ
Фонтанку).
— Чѣмъ руки-то сложасидѣшь, — Оомасказалъ,
— Давай въ орлянку! —
„Давай.“ И началась игра.
Аншипу повезло. Оомѣ же нѣтъ талана!
Всю мелочь вышарилъ, бѣдняжка, изъ кармана,
И дѣло ужъ дошло до серебра,
А пользы нѣтъ: Аншипъ конаешъ безъ
пощады.

Θому кидаетъ въ пошъ съ досады.

— Позволь, Аншипушка, швырнуть цѣл-
ковымъ вдругъ! —

„Изволь, любезный другъ!“

Швырнулъ Θома. И что жъ? Не взвидѣлъ,
бѣдный, свѣша!

И крупная его, послѣдняя монета
Въ Аншиповой мошнѣ!.. Бѣжитъ на шу бѣду,
Изъ подъ ворошъ, съ каспрюлей, поваренокъ.

— Куда ты, дьяволенокъ? —

„Я въ лавочку иду.“

— Вѣдь выдумалъ, не бось, какъ разъ, мошен-
никъ, сказку! —

И далъ Θома мальчишкѣ пашку.

Съ Θомою схожи мы бываемъ иногда.

Опъ собсшвенной вины придешъ на насъ бѣда;

А за нее шому безвинно досшается,

Кшо первый намъ въ глаза по силамъ
попадешся.

Д Р У З Ъ Я.

Осеннимъ вечеромъ въ саду

Два мальчика рѣзвились.

„Какъ весело, что мы съ тобою подру-
жились!“

Мишюша говоритъ. „Чуръ быть всегда
въ ладу:

Не надо, Оединька, ни ссориться, ни драться,

Всѣ спануть нами любовашься

И гладить по головкѣ насъ.“

—Я ссоры не начну, лишь ты не озорничай.—

Такъ Оедя ошвѣчалъ.— Мой не таковъ обычай;

Не то, что твой! Не бось, въ прошедшій
классъ

Ты сладкихъ пироговъ мнѣ не далъ!

Ужъ я просилъ, просилъ,

А ты съ насмѣшкой говорилъ,
Что вредно много ѣспь, что я уже обѣдалъ.
Смотри, чтобъ съ другомъ такъ впередъ не
посшупать!

Я больше не сержусь; давай опять играшь.—

Краснѣлъ ошъ укоризнѣ Мипюша.

Друзья въ знакъ мира обнялись,

И снова игры начались.

Вдругъ на глаза попалась Оедъ груша.

Онъ мигомъ подхвятилъ находку и въ карманъ!

И другу говоритъ: „Я сбѣгаю въ минушку

Домой. Возьму шамъ дудку

И барабанъ,

А ты, пока хожу, поспрой изъ спульевъ
будку.“

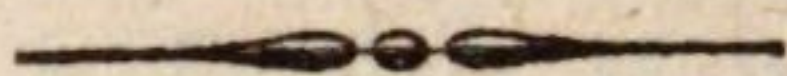
Не такъ-то былъ Мипюша проспъ

Игрушу подсмопрѣлъ, хошя и слылъ зѣвакой.

„Да не ходи за мной! Ну что приспалъ,
какъ хвоспъ!“

Такъ Оедя закричалъ. Рѣшили дѣло дракой.

На дружбу всякъ легко гошовъ,
Покуда не дошло до грушъ и пироговъ.

О С Е Л Ъ и С Л О Н Ъ.

Осель въ собраніи звѣрей

Однажды разсуждалъ и приводилъ доводы:
Людской де нѣтъ глупѣй и не было породы.
Не знаемъ мы, за что чеспилъ онъ такъ
людей.

Хозяинъ, можетъ быть, ѣздой его измучилъ,

Иль слишкомъ тяжело навьючилъ;

Но только онъ людей безъ милосши бранилъ.

Въ нихъ капли нѣтъ ума, орапоръ говорилъ,

Я это докажу: хозяинъ мой недавно,

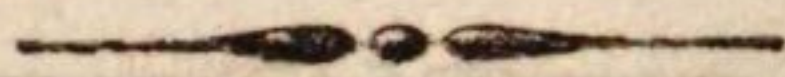
(По чеспи, это презабавно!)

Сосѣду такъ сказалъ: „ Конца швоихъ запѣй

Тебѣ, брашъ, не видашь какъ и своихъ ушей.“

Ну можно-ль говоришь нелѣпицу такую!
Мнѣ на уши смогрѣшь совсѣмъ немудрено.

Задачу, молвилъ Слонъ, тебѣ я располкую:
То глупо для осла, чпо для людей умно.

ВАРЕНЫЙ ЧАЙ.

Сомнишеленъ еще въ дѣлахъ успѣхъ,

Когда и средствъ всѣ имѣемъ.

Бываешь, что занихъ принялся не умѣемъ,

И опъ того выходишь грѣхъ.

Крестьянка мужу говорила:

Пафнушьичъ! Не забудь пы въ городъ купишь

Чайку да сахару. Кой-что ужъ я сварила,

Но надобно жъ родню и чаемъ угостишь;

Вѣдь пы, свѣшь, завтра именинникъ.

— Чшо много говоришь! —

Сказалъ ей мужъ. — Давай полшинникъ! —

Пошелъ, и сахару и чаю онъ досталъ,

И на руки хозяйкѣ сдалъ.

Она же весь запасъ въ горшокъ съ водой
вложила,

Немного луку покрошила,

И въ печь задвинула, примолвивъ: пусть
кипишь!

Ужъ гости собрались, чай поданъ и разлишъ,

Да жаль: охопниковъ до чаю не нашлося,

И все собраніе безъ чаю разошлося.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

МЩЕНІЕ ВЪТЕРКА.

I. ВЪТЕРОКЪ И ЛИЛЕЯ.

Близъ Спрѣльны, гдѣ волна залива голубая,

Черезъ разсыпанный гранишъ

Капясь, у берега пустыннаго шумишъ,

Есть лугъ. На немъ цвѣла лилея полевая.

Однажды въ часъ, когда заливъ

Увѣнчанъ былъ зари багряной полосою,

И покрывался лугъ вечернею росою,

Чрезъ рощи и сады, чрезъ рядъ полей и нивъ,

Лешѣль свободы сынъ счастливый:

Игривый

И легкій вътерокъ.

Перелетая лугъ, гдѣ цвѣтъ уединенно,
Зависпливой крапивою окруженный,
Благоухающій цвѣшокъ,
Воздушный плавапель полетъ остано-
вляешь,
И разговоръ съ лилеей начинаешь.

Вѣтерокъ.

Опѣ чего, лилея, ты
Такъ печальна, такъ уныла?
Опѣ чего къ землѣ склонила
Изумрудные листья?

Лилея.

Я одна! Судьба судила
Разцвѣспи въ пущыи мнѣ.
Здѣсь въ печальной шишии
Ждешь меня одна могила;
Здѣсь окончу вѣкъ въ глуши!
Вѣтерокъ мой прахъ развѣешь,
И никто не пожалѣешь
О лилеѣ опѣ души.

Вѣтѣрокъ.

Полюби меня, цвѣшокъ!

Я свободный вѣтѣрокъ;

Милой нѣтъ еще подруги!

Всѣ забавы и досуги

Посвящу тебѣ тогда.

Позабуду города,

Поселюсь въ пустынь эпой,

И клянусь: съ моей Лилею

Не расстанусь никогда!

На шемносинемъ небосклонѣ

Ужъ мѣсяцъ капишся серебрянымъ щипомъ,

И отражается залива въ мрачномъ лонѣ.

Уснуло все глубокимъ сномъ;

Лишь вѣтѣрокъ надъ лугомъ тихо дуешь

И пламенно цвѣшокъ цѣлуешь.

II. ДОРОЖНЫЕ.

Скрывавшія Воспокъ, густыя облака
Разсѣялись въ часъ утра по немногу.
Весь Пешербургъ собирается въ дорогу!
Черезъ Калининъ мостъ спремись, какъ
рѣка,
Народъ къ ворошамъ пріумфальнымъ.
Какіе хлопоты жандармамъ и кваршальнымъ!
Карешъ, возковъ, шѣлегъ, колясокъ, дро-
жекъ рядъ
И безъ конца и безъ начала
Къ заспавъ тянется. Всѣ за городъ спѣшатъ;
Какъ будто бы вода столицу пошопляла.
Вездѣ встрѣчаютъ взоръ
Корзинки, узелки съ съѣшнымъ и самовары.
Здѣсь пѣсельниковъ хоръ
Идесть подъ звукъ рожка, бандуры иль
тишары;
Тамъ шащипъ Римлянинъ шарманку на
плечахъ;

Здѣсь споръ у мужиковъ зашелъ о калачахъ
И пряникахъ. Они огромную корзину
Разсыпали, запнувшись, на праву.
Тамъ, небо сброся съ плечъ, поставилъ
на главу.

Ашлантъ — клубнику и малину.

Но гдѣ намъ дописать каршину!

Жаль, что Теньеръ свой карандашъ
Не завѣщаль ни одному поэту,

А взялъ съ собой и кинулъ въ Лешу.
Такъ сядемъ же скорѣй, чашапель до-
брый нашъ,

Въ карешу,
И мимо ряда дачъ прелесныхъ и садовъ
Поѣдемъ прямо въ Пешергофъ.

III. 22 ІЮЛЯ.

Руками мощными Сампсонъ
Льву челюсти во гнѣвъ раздираешъ.
Изъ зѣва пѣна бѣшъ, и грозно, какъ Тифонъ,

Окрестности ревъ звѣря оглашаетъ.
Здѣсь возвышается волшебная гора,
Здѣсь свой законъ нарушила природа;
Вездѣ видна воды съ огнемъ игра!
Уступы, лѣспницы, кипящъ толпой народа.
Плѣняетъ взоръ и мраморъ, и кораллъ,
И спашуи, и чаши золошья,
И льющійся блистательный кристаллъ
Черезъ узоры огневые.
Здѣсь роца шемная сіяетъ вся въ звѣздахъ;
Кругомъ алмазами, какъ перстень, прудъ
украшенъ.
Рядъ огненныхъ столповъ, и пирамидъ, и
башенъ,
Блится въ просѣкѣ и смотришся въ
водахъ
Канала длиннаго. Вдали чернѣетъ море;
Въ равнинѣ зеркальной своей
Спрой отражаетъ кораблей
Въ сіяющемъ уборѣ,

И восходящую сребристую луну.
Звукъ музыки привлекъ дремавшую волну;
Тихонько въ брегъ она у Монплезира
плещеть.

Надъ гаванью сіяеть храмъ;
Съ шреножника куришся оиміамъ,
И въ небесахъ Маріи вензель блещеть.

IV. ОСТАНОВКА ВЪ ПУТИ.

Угаснули волшебные чертоги;
Пустѣетъ Пешергофскій садъ.
До городскихъ ворошъ во всю длину дороги
Различныхъ экипажей рядъ
Тихонько движется. Всѣ дремлютъ или
спятъ.

Близъ Спрѣльны въ пень двѣ спали клячи;
Ни съ мѣспа! Хошь убей!
„Проваль возьми! Какія неудачи!“

Ворчишь въ каретѣ бась. „Опворь - ка
Тимоѳей.
Жена! Вѣдь выѣзашь придется изъ
карешы.“

— Ахъ башьки - свѣшы!
Неужто съ дочерьми я пошашусь пѣшкомъ?
Нельзя ли какъ доѣхашь, хоть шажкомъ.

Баринъ. (Съ сердцемъ.)

Доѣхашь!... Знаемъ эти пѣсни!...

Ну что? Неидущъ?

Слуга.

Неидущъ, сударь! Хоть пресни!

Баринъ.

Да что безъ шляпы ты? Куда ее дѣвалъ?

Слуга.

Не знаю - съ. Видно я вздремалъ

И обронилъ.

Баринъ.

Зѣвака!

Чшобъ завтра же была! На собспвенный
твой счешъ!

Какъ, плушъ, не поперялъ ты фрака!
Безъ памяши бездѣльникъ пьешъ!

Слуга.

Помилуйте-съ! Во ршу и капли не бывало.

Баринъ.

Молчать! Нышъ, видно намъ пришлось
пѣшкомъ идти.

На лошадей надежды мало,

Другихъ же здѣсь не лѣзя найши.

Мы самоваръ впередъ отправимъ съ
Тимоѳеємъ;

Вонъ шамъ, за рощицей, согрѣемъ;

А послѣ чаю отдохнемъ,

И къ вечеру, авось, и къ дому добредемъ.

V. ПРИМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ФРАКЪ.

Угодно ли узнать: кто этакъ господинъ?

Валдайскаго Уѣзда Дворянинъ

Климъ Силычъ Припѣсняевъ.

Съ Ириной Карповной, супругою своею,

Двухъ воспиталъ онъ дочерей

И двухъ сынковъ, повѣсь и негодаевъ.

Исправникомъ служилъ сначала онъ,

А въ восемьсошъ чешвершомъ или пятомъ

Былъ въ Предводишели предложенъ канди-

дапомъ,

И наконецъ онъ службы опрѣшенъ.

Съ шѣхъ поръ все находясь въ опшпавкѣ,

Купилъ деревню онъ да винный опкупъ снялъ;

Кресшьянъ опнюдь не припѣснялъ,

Пречесшно опкупъ вель, и наконецъ по

справкѣ

Опкрылось, что его карманъ

Сшалъ шолще, чѣмъ его особа.

Между окольных всѣхъ дворянъ

Мужъ и жена, прославились оба

Хозяйспвомъ. Диво-ль? Каждый грошъ
Издержанный для нихъ былъ острый
ножъ.

Мужъ славець былъ еще зеленымъ фракомъ,
Какой увидишь не на всякомъ.

Онъ самъ его кроилъ, сшивалъ же Тимоѳеѣй,
Его дворецкій и лакей,
И поваръ, и порпной, и брадобрѣй, и
плошникъ,

Ну словомъ всѣхъ ремеслъ работникъ.

Прошло съ тѣхъ поръ ужъ восемь лѣтъ,

Какъ эшопъ фракъ явился въ свѣтъ.

Покрой, шитье, опдѣлка — чудо!

А цвѣтомъ — свѣжій арпишокъ.

Одно лишь въ немъ однако было худо:

Онъ походилъ немного на мѣшокъ.

VI. ПОХИЩЕНІЕ ЛИЛЕИ.

За рощей на лугу Климъ Силычъ легъ уснушь;
Снялъ фракъ, и чшобъ его не вздумалъ кшо
спянушь,

Онъ поручилъ своей супругѣ
Покараулишь фракъ до чаю, на досугъ,
А дочекъ оппустилъ, по просьбѣ ихъ,
взглянушь

На взморье, съ брашцами. Одинъ изъ нихъ
Корнешомъ

Служилъ въ Драгунахъ года два,
И первымъ слылъ въ полку поэшомъ;
Другой же былъ такая голова,
И шакъ ему дались науки,
Чшо онъ едва едва
Могъ различашъ аза опъ буки.

Типъ имя перваго, впораго Анкудинъ;
Сесприцъ же Любушкой и Груней называли.

Вошъ брашцы подъ руку ихъ взяли,
И къ взморью межъ березъ, межъ елей и осинъ,
Ошправились искашъ дороги.

Анкудаинъ.

Послушай, Любушка. Ей ей, устали ноги!
Ворошимся. Ну что за невидаль заливъ?

Любушка.

Какъ, братецъ, ты неперпѣливъ!
До берега саженой спо, не болѣ.
Чу! Слышишь, какъ шумитъ у берега вода?

Анкудаинъ.

Ну, слышу. Да скажи, зачѣмъ идши туда?
За чѣмъ меня къ водѣ ты тащишь по неволѣ?
Купаться что ли?

Любушка.

Нѣтъ! Ахъ, какъ несносенъ ты!
Идемъ мы солнечнымъ восходомъ любоваться.

Анкудаинъ.

Есть чѣмъ!.. Ты лжешь! Не можешь
спаться.

Ахъ посмотри, сестра, какіе тамъ цвѣшны;
Вонъ колокольчики; еще цвѣшокъ тамъ
бѣлый.

Пойду, сорву.

Любушка.

Куда ты, угорьлый?

Мнѣ страшно здѣсь одной;
Сестра и братъ ушли далеко.

Анкудинъ.

Такъ со мной
Пойдемъ. Попомъ мы разомъ ихъ нагонимъ.

Любушка.

Куда ты? Посмотри! Въ болошѣ мы
попонемъ.

Анкудинъ.

Болоша вѣшъ. Трава немножко здѣсь сыра.

Ну полно же упрямиться, сестра!

Пойдемъ! Иди за мной смѣлѣе.

Доспанемъ бѣлый пошъ цвѣшокъ.

Они идутъ. А въперокъ,
Не думая о бѣдненькой лилѣ,

Тѣмъ временемъ порхалъ
Межъ пестрыхъ флаговъ за Кронштапомъ.
Напрасно поспѣшивъ къ подругъ онъ воз-
врапомъ!

Ужъ Анкудинъ ее сорвалъ.

VII. С М Е Р Т Ъ П О Д Р У Г И.

Тамъ видите ли домъ на берегу Фоншанки?
Въ чешвершомъ эшажъ опворено окно;
На немъ стоятъ съ водой хрушальныя
двѣ банки.

Въ одной окончивъ вѣкъ лилеъ суждено.

Межъ голубыми васильками,
Подруга въшерка, головку наклоня,
Грушила. Грусть ея не выразишь словами!

— Онъ вѣрно разлюбилъ меня! —

Лилея думала. — Всѣ кляшвы, увѣренья,

Забышы имъ навѣкъ!

Жестокій въшерокъ! Ты развѣ человѣкъ,
Кошпору ничпо мученья

Любви обманушой?.. Гдѣ ты лешаешь, другъ?

Лешай, лешай! Будь весель, счастливъ,
милый!

Милый меня найди себѣ подругъ.

Ужъ мнѣ не долго до могилы!

Слабью, вяну я! Еще пройдушь при дня,

И я умру. Тогда забудь меня! —

Напрасно въ шерка лилея ожидала;

Не прилепѣлъ, и бѣдная увяла.

Служанки Груниной жестокая рука

Въ Фоншанку бросила бездушный прахъ
цвѣпка,

И, не оплакана ни кѣмъ, лилея вскорѣ

Унесена была спруей Фоншанки въ море.

VIII.

ПЕРЕВОДЫ

И

ПОДРАЖАНІЯ.

Итак, если бы мы могли, друг мой,
быть вместе, я бы тебе сказал, что

я очень люблю тебя и твою семью

и что я очень желаю тебе счастья

и что я очень желаю тебе успеха

и что я очень желаю тебе здоровья

ПРЕВОДЫ

и что я очень желаю тебе любви

и что я очень желаю тебе мира

ПОДЪЯЗНИК

и что я очень желаю тебе радости

и что я очень желаю тебе счастья

VIII

ЭРОТЪ.

(Съ Греческаго.)

Эропъ, приближась къ розамъ,
Въ нихъ не примѣшилъ спящей
Пчелы, и уязвила
Бѣдняжкѣ пальчикъ. Съ крикомъ
Онъ замахалъ рукою.
Бѣжишь, летишь къ Киѳеръ
И, плача, восклицаетъ:
Ахъ мапушка, умру я!
Меня ужалилъ въ палецъ
Змѣй небольшой, крылашый,
Котораго селяне
Пчелою называютъ.
Киѳера же сказала:

Когда и пчелки жало
Такъ больно уязвляетъ,
То каковы шѣ раны,
Что ты, Эрошъ, наносишь.

Эрошъ

(Съ рыскаломъ)

Эрошъ, рыскало въ руку,

Въ руку не рыскало въ руку,

Насъ, и рыскало

Брѣвѣ, рыскало въ руку,

Оно рыскало въ руку,

Брѣвѣ, рыскало въ руку,

И, рыскало въ руку,

А въ рыскало, рыскало

И въ рыскало въ руку,

Знай рыскало, рыскало

Конорато рыскало

Рыскало рыскало

Рыскало же рыскало

Ж И З Н Ъ.

(Съ Греческаго.)

Плаванье спрашное жизнь! Насъ буря по
прихоши носишь!

Жалкіе часто пловцы, камни вспрѣчаемъ
въ пущи.

Въ жизни богиня Судьба нашъ всегдашній,
причудливый кормчій;

О какъ сомнительно съ нимъ мы чрезъ
море плывемъ!...

Счасье-ль соупсшвуешь намъ, или бѣд-
спвія въ слѣдъ понесутся;

Всѣ мы достигнемъ равно приспанн мир-
ной: въ землѣ!

МОРЕ и ЗЕМЛЯ.

(Сз Греческаго.)

Море когда свѣпслоснее легкимъ коле-
блется въпромъ,
Слабой душой восхищаюсь! Земля немила
становишся!
Болѣ плѣняетъ меня спокойствіе моря.
Когда же
Вдругъ глубина сѣдая зашпонецъ и, сводами
плѣнясь,
Море вскипишъ, и сердито покапяшся
длинные волны;
Взоры къ землѣ обращаю, къ лѣсамъ, и
опъ моря бѣгу я;
Мнѣ мила и земля, и опрадна шѣнисшая роща!

Дышишь ли въперъ въ ней яроспный,
сосна шумишь лишь пріяшно.

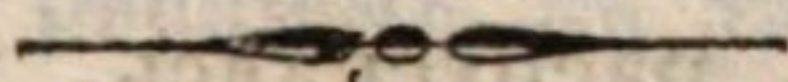
Жизнь ты ведешь, рыболовъ, незавидную!

Лодочка — домъ твой,
Море — работа, а рыба — добыча невѣрная.

Мнѣ же
Сладоспный сонъ удѣломъ подѣ яворомъ
широколиспнымъ!

Ропотъ испочника близкаго весело, мило
мнѣ слушаешь;

Радуетъ онъ селянина журчаньемъ, не
ужасъ наводишь.

В Е С Н А.

(Съ Греческаго.)

Бури и вьюги печальной зимы улепѣли
съ ээира!

Вновь улыбулась весны цвѣтоносной румя-
ная Ора;

Мрачное поле украсилось свѣтлозеленой
правою;

Вновь деревья, распускаясь, молодыми одѣ-
лись листьями.

Утро, пшпашель цвѣшовъ, мураву на-
паяешь росою:

Лугъ засмѣлся угрюмый, и роза на немъ
заалѣла.

Звонкой свирѣли въ горахъ раздалися весе-
лые звуки;

Бѣлое сшадо козляшъ паспуха забавляешъ
играньемъ.
Вдаль по широкимъ валамъ мореходецъ
отважный понесся;
Вѣяньемъ легкимъ Зефира наполнился пре-
пешный парусъ.
Всѣ торжествуютъ на праздникъ гроз-
долюбиваго Вакха,
Вѣшкой плюща и лозой виноградной власы
увивая.
Дѣломъ своимъ занялись изъ пельца проис-
шедшія (*) пчелы:
Съ дивнымъ искусствомъ и пламеннымъ
рвеніемъ въ ульѣ слѣпляютъ
Бѣлые, медомъ злашымъ и душистымъ
текущіе сопы.
Яркіе клики и пѣсни пернатыхъ несущя
отъсюду:

(*) Нѣкоторые изъ древнихъ думали, что пчелы
происходятъ изъ убишыхъ и зарышыхъ въ землю
быковъ.

Съ волнъ Алькіоны спенанье, чирликанье
ласточки съ кровли,
Крикъ лебединый съ рѣки, соловьиные
свисшы изъ роши.
Если-жъ и лисья пріятно шумяшъ, и поля
разцвѣпающъ,
Голосъ свирѣли въ горахъ раздается, и
рѣзвися спадо,
Вдалъ мореходецъ плывешъ, Діонизъ за-
плясалъ опъ восшорга,
Весело пшицы поющъ, и прудомъ наслаж-
дающся пчелы;
Можно-ль весною пѣвцу удержахся опъ
радоспныхъ пѣсней?

О Т Р Ы В К И
ИЗЪ ХІ ПѢСНИ ОДИССЕИ.

(Съ Греческаго.)

Одиссей, по наставленію Киркеи, достигаетъ предѣловъ Океана, и выходитъ на берегъ земли Киммерійской, надъ которою царствуетъ вѣчная ночь. Дойдя до мѣста, назначеннаго Киркеею, Одиссей вызываетъ изъ Древа души умершихъ. Неожиданно является ему тѣнь матери, скончавшейся во время его отсутствія.

„Сынъ мой! Ты ли низшелъ въ сіе убѣжище
мрака ?

Нѣшъ здѣсь входа живущимъ: шепчѣ
здѣсь попоки и рѣки;

Путь въ страну сію заградилъ Океанъ
безпредѣльный.

Какъ занесенъ сюда твой корабль? Не опъ
Трои-ль плывешь ты?
Ты не достигнулъ опчизны? Не зрѣлъ
еще вѣрпой супруги?“

Милая матерь, я рекъ, проникнулъ въ Аидъ
вопросишь я

Тѣнь прорицателя Оивъ, Тейрезія. Я до
опчизны

Все еще не достигъ, и, бѣдами гонимый,
скипаюсь

Съ самыхъ твоихъ поръ, какъ на брань
ополчился я пропиву Трои.

Но повѣдай, молю, давно-ль ты въ семь
мрачномъ жилищѣ?

Съ ложа спраданья сюда низошла, или
крошкой спрѣлою

Въ часъ любимый ловипвы пронзила
тебя Аршемида? (*)

(*) Діана.

Гдѣ мой родишель? повѣдай. Гдѣ сынъ,
покинутый мною?

Въ ихъ ли мое достоянье рукахъ? Не
добыча ли хищныхъ?

Можешъ бышь мысляшъ они, чпо меня
никогда не увидяшъ.

Сердце раскрой мнѣ супруги: она печется ль
о сынъ,

Или другой обладаетъ ея вѣроломной ру-
кою?

Нышъ, ошвѣшсшвуешъ шѣнь, въ чершюгахъ
швоихъ, одинока,

Скорбные ночи и дни она сокращаетъ
слезами.

Сынъ швой владѣетъ швоимъ достояньемъ.

Средь пиршесшвъ народныхъ

Онъ веселился, какъ Царь, приглашаемый
всѣми, любимый.

Въ полѣ живешъ швой родишель. Нышъ
ни ковровъ, ни постели!

Нѣшъ одежды блестящей! Въ суровую
зиму на прахъ,
Въ рубищѣ, спишъ близъ огня, подъ кро-
влей одною съ рабами.
Въ лѣто и осень изъ лисьевъ, упав-
шихъ съ лозы виноградной,
Ложь низкое спелюшъ ему. Такъ дни
онъ проводитъ.
Горестъ, мой сынъ, по тебѣ, и спаростъ
его изнуряюшъ.
Такъ погибла и я. Не болѣзнь, не спрѣла
Исхеэры, (*)
Тяжкая горестъ меня, и память о крош-
комъ, о миломъ
Сынѣ моемъ Одиссеѣ, свѣта лишили дневнаго.
Смолкла она. Я бросился къ ней, проси-
рая объашья;
Трижды пѣнь я хотѣлъ прижасть къ
трепещущей груди!

(*) Другое имя Діаны.

Трижды она, какъ видѣнье во снѣ, изъ рукъ
улепала.

Грусть пронзила мнѣ сердце. О милая
машеръ, вскричалъ я,

Чшо не позволишь себя прижать ко груди
сыновней?

Сладосшно пролили-бъ вмѣстѣ хопъ слезы
въ Андѣ печальномъ!

Иль Персефона жестокая мнѣ пвой лишь
образъ явила,

Чшобы сильнѣй я терзался! О сынъ мой!
пакъ пѣнь опвѣчала.

Нѣтъ! не суешный образъ, но машеръ
ты зришь предъ собою.

Всѣ обипашели здѣсь ни косшей не имѣють,
ни плоши;

Сила огня испребляетъ ее, а душа улепаетъ.

Но поспѣши возвратишься на свѣтъ! Про-
спи до свиданья!

Словъ моихъ не забудь, и супругъ пвоей
ихъ повѣдай.

Одиссею являются другія тѣни. Онъ ви-
дитъ между осужденными на муки Сизифа.

Зрѣль и Сизифа я памъ, обреченнаго тяж-
кимъ мученьямъ.

Камень огромный съ усиьемъ онъ дви-
жешъ десницей и шуйцей.

Зрише ли: какъ подпирая и сильной рукой
и кольномъ,

Кашишъ онъ камень къ вершинѣ горы?

Но едва на вершину
Мыслишъ спужишъ онъ, какъ вдругъ,
обращаясь спремншельно долу,

Съ громомъ съ горы раскашясь, низвер-
гаешся камень коварный.

Снова его, съ напряженіемъ, кашишъ

Сизифъ на вершину;

Попъ спруишся со членовъ, и пыль воз-
спаешъ надъ главою!

Д В А К О Л О С А .

(Съ Латинскаго.)

На нивѣ колосокъ, спесиво
Поднявъ головку выше всѣхъ,
Сосѣда своего хопѣль подняшь на смѣхъ,
И говорилъ: сосѣдъ, скажи мнѣ, чшо за диво!
За чѣмъ согнулся ты? Въ сравненіи со мной
Ты ниже въ половину.

— Легко поняшь шому причину! —

Сказалъ другой.

— Чѣмъ меньше зеренъ въ насъ, чѣмъ голова
пустѣе,
Тѣмъ поднимаемся мы выше и гордѣе. —

ОВЦА и ТЕРНОВНИКЪ.

(Съ Латинскаго.)

Восходяшъ по лазури
Небесъ густыя облака.
Поднялся вихрь, предвѣстникъ бури,
Покрывшись пѣною, волнуется рѣка!
Высокими столбами
Взвилася пыль съ земли,
И глухо громъ гремишъ вдали;
Несется гуль между горами.
Тѣмъ временемъ спада паслися на лугу.
Случилось овцѣ ошъ спада опдалишся;
Куда ошъ непогоды скрышся?
—Коль хочешь я шебѣ, пожалуй, помогу,
И ошъ дождя уберегу.—
Сказалъ терновникъ ей.—Сокройся подъ
густыми

Ты вѣшьями моими. —

Послушалась овца,

И скрывшись въ кустъ, ждала грозы конца.

Шумѣлъ изъ пучи дождь рѣкою,

И громъ гремѣлъ, но снова разсвѣло,

И солнце изъ за пучь взошло.

Овечка, съ шерстію сухою,

Въ дорогу собралась и кустъ благодаритъ!

И полно! не зачщо!—терновникъ говоритъ.

—Другому услужитъ всегда я радъ душою!

Гроза прошла, теперь ты можешь въ пучь

идши! —

Сказавъ терновнику проси,

Бѣдняжка изъ него до почи выдиралась!

Сухая шерсть ея почти что вся оспалась

Въ услужливомъ кустѣ!..

Дивясь терновника столь рѣдкой добротою,

Найдемъ ее не только межъ кустами,

Но, къ чести нашей, и межъ нами!

О Б Л А К А.

(Сз Нѣмецкаго.)

Волнистое тумана покрывало

Одѣло свѣшлый солнца ликъ,

Какъ все вокругъ печально, мрачно спало!

Какъ шомный василекъ поникъ!

Вдругъ солнце вновь, съ плѣнительной
улыбкой,

Явилось изъ за темныхъ тучъ,

И ожилъ вновь цвѣшокъ на вѣшкѣ гибкой,

Благословляя солнца лучъ.

Красой своей любитъ свѣшило,

Глядясь въ серебряный пошокъ;

Но облако опять его покрыло,

И полевый увялъ цвѣшокъ.

О милый другъ! И въ счастьи жизни нашей

Найдемъ подобіе цвѣшка.

То радость мы вкушаемъ полной чашей,

То скорби насъ гнететъ рука.

Разсѣй, молю, безумное желанье

Во мнѣ, Хранитель - Ангелъ мой,

Желаніе, чшобъ счастьемъ обладанье

Не разспавалося со мной!

И радостно цвѣшы встрѣчать я спану

Въ печальномъ, жизненномъ пущи,

И радостно взывать не переспану:

Творецъ имъ повелѣлъ расши!

Обильною, опеческой рукою,

Повсюду, всѣмъ Онъ блага льетъ,

И кто идетъ добра спезей святою,

Того къ блаженству Онъ ведетъ.

Почто-жъ намъ бѣдъ безвременно спра-
шишься,

Коль счастье наши дни злапишь?

Мы счастьемъ успѣемъ насладиться,

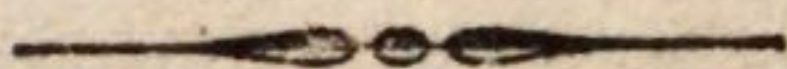
Пока оно не улепишь.

Умчися ли оно; мы, безъ ропшанья,

Мы съ твердостью должны спрадась,

И гласъ тогда оправднй Упованья

Намъ счастье возвратишь опяшь.

П О Ч Е С Т И.

(Съ Нѣмецкаго.)

Солнца лучи полосою когда опразяшся въ
пошокъ,
Ярко, какъ будпо огонь, блещешъ,
капяся, волна.

Скоро уносишъ ее изъ подъ свѣпныхъ лучей
бысприною;
Слѣдомъ другая за ней мчипся въ сіяньи
пропечъ.

Смерпные почестей въ блескъ не шакъ ли,
какъ волны, сіяюшъ?
Блещешъ не самъ человекъ; мѣспо лишъ,
гдѣ пропекалъ.

ОСЕЛЪ и РЕПЕЙНИКЪ.

(Съ Нѣмецкаго.)

По берегу рѣки однажды брелъ
Осель.

Увидѣвъ за рѣкой репейникъ,
Запѣйникъ

Спалъ голову свою премудрую ломашъ:
Какъ бы праву ему для завпрака доспашъ,
Да пакъ, чшобы не плышъ, чшобъ не
искашъ и броду.

Онъ очень не любилъ вишъ воду.
Чшожъ дѣлашъ шупъ? Иной въ шупикъ
бы спалъ;

Но нашъ осель хиперь; не долго бился,
И мигомъ средство опыскалъ;

На берегу онъ развалился,

И такъ смекалъ:

Сомнѣнья пѣшъ, чшо вскорѣ

Рѣка спечетъ до капли въ море,

По сушѣ и пойду я къ завтраку тогда.

Прекрасно вздумано, да только шо бѣда,

Что и шеперь еще шечетъ въ рѣкѣ вода.

Не часпо-ль мы (хопя и рѣдко замѣчаемъ)

Подъ пару мудрецу ушасшому бываемъ,

Тогда, какъ лежа ждемъ, чшобъ время

прошекло,

И шо, чего хопимъ, намъ безъ шруда пришло.

К Ъ Л И Д Ъ.

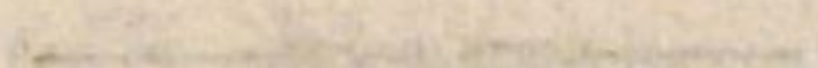
(Съ *Англійскаго.*)

О Лида милая, пойдемъ въ поля со мной
Дивисься красотамъ волшебницы природы.
Взгляни: лазурные темнѣютъ неба своды,
Потокъ плѣнительно осеребренъ луной,
Благоухаетъ доль, росой оживленный,
И соловей запѣлъ въ дубравѣ отдаленной.

Но предъ тобой ничто природы красоты!
Прелестнѣе небесъ твои лазурны очи;
Ихъ блескъ пріятнѣе лучей свѣшила ночи;
Въ дыханьи успѣ твоихъ, краса долинъ,
цвѣшны

Благоухающъ мнѣ. И голосъ Лиды милой
Сравню ли съ пѣснiю пѣвца лѣсовъ унылой!

А Я Н Т Я Т Р А Д О Н

Русскъ говоритъ о томъ, что

Теперь въ немъ — прощанье

Самъ, прощанье, прощанье

Для души, для души!

Ахъ, какъ жаль, какъ жаль

И, "сказалъ", "сказалъ" —

Послѣднее — въ томъ, какъ

Надъ мученикомъ —

И сироту въ меня —

И, "сказалъ", "сказалъ" —

— "Моя душа, моя душа!" —

Въ сиротѣ — въ сиротѣ —

Твое, окаянное, —

Какъ не въ не покаяннѣ —

Н О В А Я Т Е Т И В А.

(Съ Испанскаго.)

Русый локонъ швой похипивъ,
Тешиву Амуръ - проказникъ
Свилъ, прелестная Дорида,
Для убійственнаго лука!

„Ну,“ сказалъ, „теперь увидимъ:
Посмѣешься-ль ты, какъ прежде,
Надъ могуществомъ Амура!“
И стрѣлу въ меня намѣшилъ.

— Пощади меня, злой мальчикъ! —
Въ страхъ я вскричалъ. — Сдаюся!
Твой опасный лукъ увидѣвъ,
Кшо шебъ не покоришься? —

КЪ РУЧЬЮ.

(Съ Испанскаго.)

Сребриспыми спруями
Бѣжишь ручей прохладной,
По золошному ложу;
Ахъ, каждый день слезами
Въ печали безопрадной
Твои я волны множу!
И ты, неумолимый,
Въ дань Эбро ихъ уносишь,
Какъ будпо новыхъ просишь.
И, груспію помимый
Въ моей суровой долѣ,
Испочникъ, по неволѣ
Дань новую несу я.

Промчатся быстро годы!
Къ тебѣ, ручей, прійду я,
По прежнему тоскуя.
Твои, бышь можешь, воды
Изсякнушъ, я же буду
Лишь слезы, какъ и нынѣ.
Въ печальной сей пусынѣ
Скорѣй себя забуду,
Чѣмъ о моей Эльвинѣ.

П О С Л У Ч А Ю.

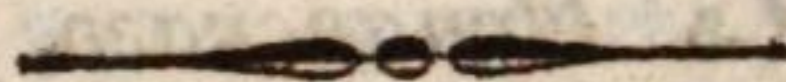
(Съ Испанскаго.)

Осель широкой нивой
Въ раздумьи важно брель,
И вдругъ свирѣль подъ ивой
По случаю нашель.

Любуясь находкой,
Онъ спалъ ее лизапъ,
И на нее всей глошкой
По случаю дышапъ.

Осель не понимаетъ:
Что переливъ, что шрель;
Лишь дышипъ, а играешъ
По случаю свирѣль.

Какъ на осла, бываешъ
На всякаго смѣшно,
Кто сдуру поступаетъ
По случаю умно.

М Е Д В Ъ Д Ъ,
МАРТЫШКА и СВИНЬЯ.

(Съ Испанскаго.)

Однажды съ просьбою медвѣдь приспалъ
къ марпышкѣ:

„Любезная кума! Не опкажи ты мишкѣ!

По сущей испинѣ не лѣзя ли мнѣ сказашь:

Гораздъ ли я плясашь?“

Изволь, посмотришь мы! та опвѣчала, съла

И съ важностью очки надѣла,

Медвѣдь же казачка! „Ну чшо, кума, каковъ

Я въ пляскѣ? Ась?“—Скажу безъ дальнихъ

словъ;

Я не люблю перяшь слова-шо!

Ты пляшешъ очень плоховашо.—

Неужто, заворчалъ плясунъ на шо, иль нѣшъ!

Навѣрно шутишь ты, мой свѣшъ!

Я въ пляскѣ, кажешся, довольно ловокъ,
плавень...

Неужто я

И впрямь тебѣ не нравень? —

Случись вблизи опъ нихъ свинья.

Ну, господинъ медвѣдь, прекрасно!

Захрюкала она,

Я безприспращно

Сказашъ должна,

Что лучше плясуна

Я съ роду не видала.

И не видашь мнѣ никогда!

Нахмурясь, проворчалъ медвѣдь на шо: когда

Меня маршышка охуждала,

Я сомнѣвашся было спалъ.

Теперь увѣрился, что плохо я плясалъ!

Кума мнѣ правду говорила;

Какой ужъ я плясунъ: свинья меня хвалила!

РАЗМЫШЛЕНИЕ.

(Съ Испанскаго.)

Намъ радости на крапкій мигъ дашы!
Ведемъ мы жизнь средь тягостной войны;
Берушъ насъ въ плѣнъ печали и мученья.
Спасаемся тогда изъ започенья,
Когда пробьешь неопразимый часъ.
Презрѣнный червь и прахъ — слѣды по насъ;
И Царь и рабъ — все въ прахъ преобратишя!
Удержишь ли кто времени полешъ?
Толпа вѣковъ во слѣдъ вѣкамъ пройдетъ;
Ничтожество лишь здѣсь не измѣнится.
Мучишель вѣчный нашъ — къ чesтямъ
стремленье.
Но слава, чesть — лишь мысль одна, мечта!

Мечпанія - жъ земныя — суеша.

Въ семъ морѣ зла грозишъ намъ попопленье,

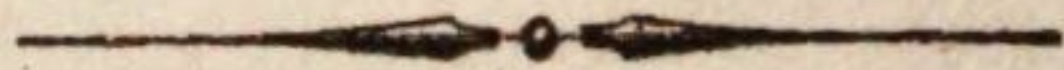
А мы шолпой спѣшимъ химерамъ въ слѣдъ,

Не къ приспани, гдѣ ждепъ насъ избавленье!

Къ чему же нашъ честполюбивый бредъ?

Чшо въ славѣ намъ, коль зависпъ съ нею вѣчно?

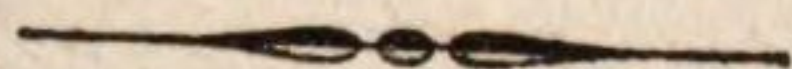
Къ чему намъ все, коль все шакъ скоропечно?

О П Е Ч А Т К И.

Спр. Спихъ.

17. 3. *сельня* - - - - селеня.
44. 7. исключитъ лишнее слово: *возковъ*.
52. 7. *Драгунахъ* - - - Гусарахъ.
53. 11. *тамъ* - - - - шамъ.

OFFICE OF THE SECRETARY

OF THE ARMY

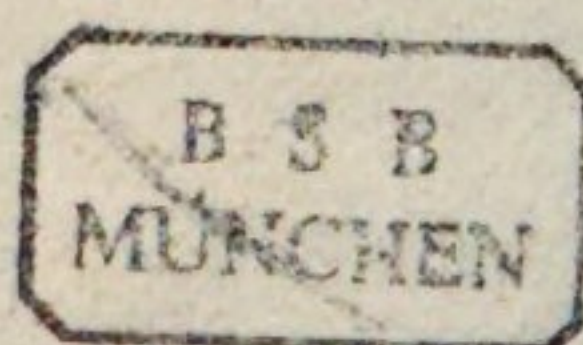
WASHINGTON, D. C.

1914

1915

1916

1917

Masal'skij, Konstantin P.

Sočinenija, perevody i podražanija, v stichach

Sanktpeterburg 1831

Rar. 4481#Beibd.8

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10862341-9